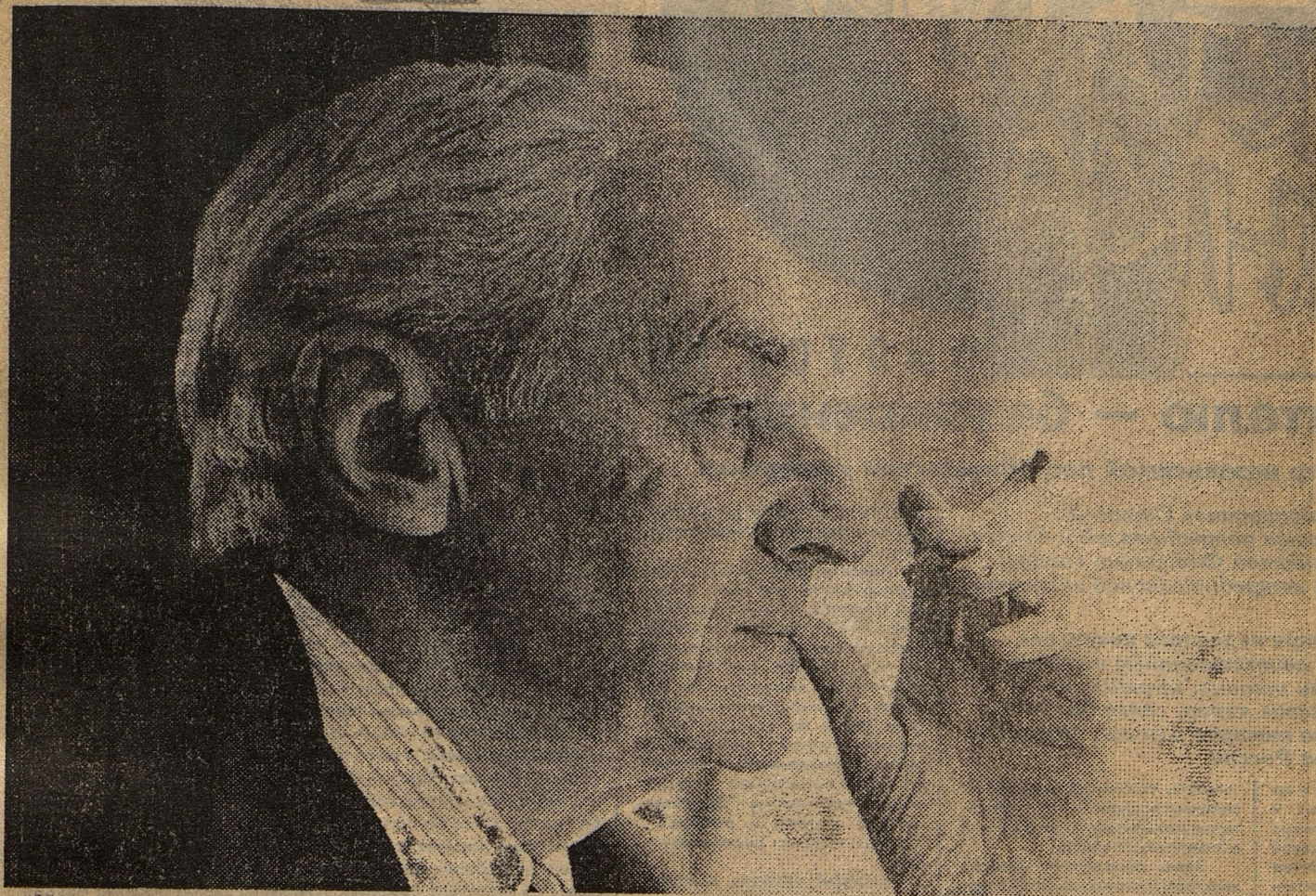

"Виною всему — мое нетерпение..."

Заведующему кафедрой актерского мастерства Института театра, музыки и кинематографии имени Черкасова, профессору, заслуженному деятелю искусств России Владимиру Петрову исполнилось 70 лет

Смелка. — С.-Пб. — 1993. — 17 июля. — С. 6.

Центральные педагоги зрители не знают в лицо. Даже самых популярных. Даже тех, чьи имена в театральном мире как пароль. Если на вопрос "Ты чей?" ("чьих кровей") прозвучат имена Зона, Макарьева, Кацман, Петрова, это будет не менее авторитетный ряд, чем, скажем, Товстоногов, Агамирзали, Корогодский, Додин. Для посвященных, разумеется, для тех, кто так или иначе связан с театром. Большинство же зрителей на имя педагога своего любимого актера, если он только педагог, не работает в театре и не ставит спектакли, вовсе не реагирует. И на улице из не узнает Владимира Петровича Петрова, учившего будущих актеров на Моховой 35 лет. 17 лет из этих 35 он параллельно руководил Университетским театром, откуда в то время вышли такие актеры, как Андрей Толубеев или Сергей Тосев. Вообще трудно найти сегодня театр не только в Петербурге, но и на периферии, в республиках бывшего Союза, где бы не работали "петровцы".

Его не узнают театральные зрители, узнают ученики, коллеги, абитуриенты, их родители (те, кто уверен, чтобы сегодня получить серьезную профессиональную подготовку основы актерской школы, учиться нужно у Петрова). Безупречная актерская выправка, безупречно уложенные белоснежные волосы, безупречная аккуратность во всем — это Владимир Викторович Петров. Безупречное чутье на фальшь и неискренность, безупречный вкус и чувство меры, таким его знают все, кто с ним когда-либо работал. Профессором Петров стал не так давно. Министрство признало его со скрипом, после долгой бумажной волокиты. Гораздо с большей легкостью профессорами становились И. П. Владимиров и И. О. Горбачев (при том, что ни для кого не секрет, "who is who" в театральной педагогике). Набирать свои собственные курсы Петров начал также недавно, прежде он много лет работал вторым педагогом вместе с Макарьевым, Липковской, Товстоноговым, Агамирзалием. Но достаточно вспомнить хотя бы прошлый год: выпускной курс Петрова, ставшие событиями в театральном Петербурге спектакли "Чайка", "Вечер вдовей", "Эскориал" и особенно "Горячее сердце" Островского в постановке Льва Стукалова. Пожалуй, после памятного кацманского-додинского "звездного" курса не появлялось на студенческой сцене столько индивидуальностей, ярких, запоминающихся лиц, столько личностей. И не умаляя заслуги режиссера "Горячего сердца" надо отдать должное выступавшему этим актерам мастеру.

Владимир Петрович, я помню, как когда-то на одном из институтских капустников звучали строки:

Петров Петров, все пред тобой трепещет,
Никто тебе не смеет и напомнить,
Что в ленинградских театрах полон штат.

Не странно вам за судьбу актеров, которых вы выпускаете, тем более, что ситуация сейчас стала для них куда более незавидная, чем 10-15 лет назад?

Если бы мне было очень страшно, если бы я считал, что я делаю ужасное преступление, выпуская актеров в этот период лихолетья, то я бы просто не занимался этим делом, нашел бы другую работу. Я понимаю, что сегодня театром происходит вижун и чувствую, но меня есть надежда, что театры, сами организмы станут другими. И кто их должен изменить? Именно они, эти ребята. Да, выпускается курс, не все 25 работают в театре. Один-два недобрегли что-то, либо мы ошиблись при наборе. Кому-то нужно кормить семью, а театр не кормит. Кто-то уходит в священнослужительство, кто-то делает, такова их стезя. И когда у меня заканчивал предыдущий курс, я точно знал, что два-три человека никогда не будут на сцене. Но то, что мне удалось быть может, их как-то духовно интеллектуально развить, что они не будут торчать в парках — для меня это важно. Все-таки люди будут другими.

Вы с полным правом можете называть их своими учениками?

Понимаю, я прикоснулся к ним, а они прикоснулись ко мне. Всегда трудно определить, кто чей ученик, как это — знать? Бывает так,

что они учатся друг у друга.

Владимир Викторович, а часто ли вы жалеете о том, что в свое время поставили крест на актерской карьере и ушли в педагогику?

Вы знаете, конечно, уход из театра — это сложная вещь, тем более, что я уже играл прилично... Был, разумеется, момент депрессии, сложный момент. Все дело в том, что я, к сожалению, был в молодости нетерпелив, и поэтому мне хотелось скорее ролей побольше и поинтереснее. Но, как вы знаете, в то время репертуар был особого качества — поэтому мне при моей внешности и данных попадались недостаточно интересные роли. Я играл порой с удовольствием, но все время была жажда материала, понимаете? И в Театре Ленинского комсомола, и в Театре Балтийского флота, и в Театре на Литейном. Я играл Петра в "Последних" Горького, играл разведчиков, немецких офицеров. Когда в театр Пенкома пришел Товстоногов, это ему очень понравилось, пошел пошел новые роли. Но он часто оставался в интересах. Я хотел попасть к нему в спектакль, он меня бросил в другой. Виною всему мое нетерпение, иначе я, может быть, не окончил бы в педагогику, оторвавшись от театра.

Дело только в нетерпении?

Наверное, это случилось органично, потому что в это время продолжали пытаться, что такое действие, как играть, как жить на сцене. В каждой роли я сталкивался с какими-то вещами, которые недопонимал в институте.

Владимир Петрович, когда в какое время, в какую эпоху вам работало с большим удовольствием?

Всегда сложное, всегда начинать курь. Люблю. В любое время. Вот представляете себе черно-белое кино. Красок нет. Они поступают, я смотрю, интересно, кто-то уже "тянет", а какой-то цвет. Иначе дело, педагогов, расцвечивать их — чтобы они имели краски тона. Это трудно. Вот был лозунг, что режиссура талантливый, но мне кажется, что если мастеру удается выпустить и актеров, шутки, то это удача.

Конечно, в любое время всегда есть радость. Когда эти ребята шалят, их можно ненавидеть, как собственного ребенка. А потом, когда через некоторое время я от себя одаряю, тем, что ты в него вкладывал целый семейный, ты его очень любишь, он для тебя как кровный свой.

Если я набираю курс, верю, что это все люди, способные галантливые, то мне надо развить их воображение, их фантазию, чтобы они пришли в мир театра, несколько с другими представлениями о жизни. Ведь есть закон: работа актера — это чтобы создать художественный образ, а не просто жить органично, что мы сейчас видим. Иногда.

Абитуриент нынешний и абитуриент 50-60-х годов: в чем основные различия?

Вам скажу, что нынешний абитуриент отличается даже от абитуриента четырехлетней давности. На коллоквиуме, еще перед экзаменом, слушаешь сегодня фантастические ответы. Сколько было в России революций? Одна, но ее делал! Декабристы. Я понимаю, и очень трудно, но в последние два-три года появились, что говорили в школе, обмен пипа, что не обмен, тоже не знают. Можно долго говорить о том, что время такое, а прежде было другое. Но вот посмотрите, вы влезаете в транспорт. Молчание. Но аура наполняется таким динамитом, чуть что — пожар! И взрыв! Вот этого не было. А ведь в нашем деле очень большую роль играет свобода вера в себя, что люди к тебе относятся добросердечно, а не враждебно. Особенность любви — дождичек, какой профессии заключается в том, чтобы отдать ничего не потребовать взамен. Тогда — во

этим сегодня очень туго. Все любят деньги, а нам нужны только аплодисменты. С другой стороны, мне не прожить на эти зарплатки, прокляты! Вот сейчас студентам правительство с огромным трудом стало выплачивать стипендию. Как я могу сказать, отдайте, что требуйте, ничего взамен? У меня на курсе в прошлом году, на дипломных спектаклях были хорошие обмороки! Ну как это? Хотя во время войны тоже тяжело было.

Сейчас-то время не военное.

Не военное, но очень сложное. Для молодежи особенно. Мои студенты приносят сюда аудиозаписи всю улицу, все эти взаимоотношения, все эти "к/п/п/у" ваучеры. Все стремится сюда! Мы им на первом курсе говорим: стройте эскизы на основе того, что знаете! Что позволяет ваш жизненный опыт — то и несите сюда. Вот они и несут. С одной стороны — они искренни, с другой — думаешь, а какая альтернатива, что же прогнано? Когда начинаешь разговаривать о жизни, о себе — они слушают. Но как сказку иногда? Не интересно во! Владимир Викторович, как вы воевали, что за Сталина за Родину? Как вы? Им нельзя никогда врать, потому что они всегда это замечают.

В чем еще разница? У нынешних абитуриентов как ни грустно, но — мирное. В каждое время ребята поступали, смотрели, один подражал Симонову, другим Черкасову, то Толубееву, они все тоже еще были молчаливые. Это все было театры были разные. Мы говорили, идем к Анимику. А я пошел к Радлову. Потом к миру, менялись естественно. Вот поступают студенты, читают, прозвучит, ничего не слышишь. Говорю: громче, четче. В чем дело? Оказывается, у него — мир. Смок, новский. Или столько было Дорониных! С ее придыханием. Каждый считал, что его зовут, тогда когда он будет на кого-то похож. Мы всегда смеялись над этим, помогали человеку стать самим собой. Но это было, сейчас не.

Когда я набираю курс, то между вторым и третьим туром делаю так называемый контрольный урок. беру танцевальный зал, выпускаю ребят, говорю: давайте отдохнем, расслабимся, разучим две песни. Кто что знает? Всегда — о прохождение очень хорошо — вырывают. Они не знают песен! Тех, которые можно спеть хором. Через пятнадцать минут два куплета из "Чебурашки" мы собрали. И "Черный кот" еще два куплета. И все! Но знаете, почему трудно? Ведь театр — дело коллективное! Понимаете, коллективное.

А отчислять вам часто приходится?

Знаете, надо мной смеются. Петров чихнул — не отчислял.

Неужели никогда?

Очень редко. Иногда прошу, знаешь, я тебе не хочу портить биографию, напиши "по собственному желанию". Может, поступишь куда-нибудь, но здесь никак! — отчислять? Понимаешь, жалко человека, я боюсь смотреть на него, микнет голова. А как сегодня это делать? Когда парень сразу идет в армию? Девочка неизвестно чем займется.

Владимир Петрович, ни для кого не секрет, сегодня, что дела с актерской школой в нашем, единственном в городе театральном вузе, отнюдь не блестящи. Ответьте мне — уже не как педагог, а как завкафедрой, в чем тут основная причина? Мало педагогов, либо слишком серьезные последствия безграмотного институтского руководства?

Очень болезненный вопрос. У меня к нему двойное отношение. С одной стороны, мне хочется выйти на площадь и крикнуть о падении престижа нашей ленинградской театральной школы, с другой стороны, мне стыдно, потому что я — идею и сам соучастник этого падения.

Это ведь началось не сегодня. Давайте вспомним, с чего начинался институт? Я пришел сюда в 44-м году, здесь были Вивен Зон, Макарьев, Сладковичев, ректор Серебряков, "оповинская" школа. Я же буду говорить, что

их педагогических талантах, но это были люди, которые институт строили. Это был их ребенок, (сюда образовались традиции, методика, от этих людей. Ушли они, появились другие педагоги).

Может быть, не менее способные, но постепенно эта тенденция "стройки", воздвигания стала исчезать. И люди работали честно, нормально, но работали не создавали. И постепенно все пошло в этом направлении: работа-вот! Меня главным образом театр, ну, тут, постопы-поскольку, я преподаю. Не могу обвинять только руководство — не такое отношение к вузу было и сверху... Как и сегодня, кому не выдают стипендию? Институт кино и телевидения, Консерватория, наш институт, госшкола. Почему-то в первую очередь экономит на нас. И дело не в зарплате, дело в этой тенденции.

Но основной вопрос — это кадры. Я ведь часто приглашаю людей, довольно известных артистов. Однажды пошел на худсовет в БДТ, где все звезды сидят, говорю товарищи, если вам ценен институт, если вы заботитесь о том, чтобы молодежь в наш театр пришла талантливая, приходите, помогите набрать курсы, ведь кафедра задыхается в собственном соку.

Кто-нибудь пришел?

Нет.

На кого же надеяться?

Не знаю, буду ходить с протянутой рукой, пойду к Фрейндлих, пойду к Басишвили. Но мастера, как правило, идут неохотно. С одной стороны, они говорят: а как это делать? Я не знаю. А им в общем-то, играя роль, совсем не надо помнить методику. Это же как воздух.

он проглотил школу, а ее чистом виде и органичен как кошка, в любых ролях. Во-вторых, низкая зарплата, то есть надо не уважать себя. В-третьих, ответственность. Я вот например, не могу быть педагогом-заочником, как их ребята называют, те, кто появляется как ясное солнышко раз в месяц на занятии. На свой курс! Может, потому что он снимается, одно-другое, за границу ездит. Сейчас все ездит за границу. А куда же ребята девать? Если двадцать пять человек — их же надо пасты! Надо за ними следить, надо понимать, что к чему! А не выдавать только траски в дипломных спектаклях — мазки! Помочь ему начать приобретать свои собственные навыки, опыт, начиная с малого, с упражнения первого курса, и кончая первой ролью в дипломном спектакле.

То есть, руководить театром, много играть и быть педагогом — это, на ваш взгляд, несовместимо?

Совместимо. Просто надо понимать, что это немножечко разные вещи. У нас всегда было так: если ты главный режиссер — значит, можешь набирать курс. Почему? А как ты будешь учить, какой опыт? — себя? Вивен, например, прекрасно совмещал режиссера и педагога.

А не так давно — Таде Ефим Михайлович. Пришел, попросил курс — дали. Очень интересно работал. Неплохо работал. Андреев сейчас, он болел этим — его курс достаточно хорошо закончил институт.

Ведь набрать курс — это значит отдать себя на растерзание на бессонные ночи, на мучения. Зачем? Когда я могу работать в театре и сниматься. Зачем мне это унесение личинок лет жизни, здоровья? Вот мне уже как будто надо на пенсию идти — я не знаю, что буду делать! Да, я ишел, сижу дома — и что? У меня хобби есть — коллекционировать марки, но ведь это же два часа в неделю, а дальше что? Я не могу себя лишить этого общения со студентами — коллегами, это моя жизнь. И я хочу верить, что время пройдет, многие из нас этого не увидят, но театр не может не возродиться. Потому что театр и театральный институт — это капилляры, они взаимопроизведены, в каком-то пожелании театр — в таком и институт.

Беседовал
Максим МАКСИМОВ

Фото
Александра БЕЛЕНЬКОГО